

Млада
Зорина

ИЗМЕНА

Она разбиха
НАШЕ СЧАСТЬЕ

Лада Зорина

Измена. Она разбила наше счастье

<https://litres.ru/74214208>

Аннотация

— Выгони её! — визжит любовница. — Ты же сказал, что она тебе уже никто! — Кира, заткнись! — шикает муж. Слова этой дряни жгут мою душу. — Никто? — выталкиваю из себя. — А мне, Ренат, ты почему-то об этом забыл сообщить. — Аля, угомонись, — приказал муж. — Тебя вообще здесь быть не должно! — Но я есть! Вот, стою на пороге твоего кабинета, где ты пользуешься эту драную кошку! — Кира, выйди, — распорядился Ренат. — Позже тебя позову. Метнувшись мимо меня, эта дрянь прошипела: — Ты об этом ещё пожалеешь, курица ты облезлая! Дверь за нею захлопнулась, а я вздёрнула дрожащий подбородок: — Как это понимать? — Никак! — рявкнул Ренат. — Я не собираюсь оправдываться. Я захотел её — вот и всё!

Муж предал меня и не раз. Но его измена — ничто по сравнению с тем, что сделала со мной его жестокая любовница. Однако жизнь всё расставит по местам и воздаст всем по заслугам. Я в это верю и не сдаюсь!

♥# властный мужчина ♥# жестокая любовница ♥# сложные отношения ♥# очень эмоционально ♥# ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 10	49
Глава 11	54
Глава 12	58
Глава 13	62
Глава 14	66
Глава 15	70
Глава 16	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Глава 1

— Слушай, если это реально она, то я бы с ней лучше вообще не связывалась.

Смотрю на подругу и не верю, что она мне такое всерьёз заявляет.

— Олесь, ты серьёзно?..

— Конечно, серьёзно! — возмущается она и смотрит на меня с неприкрытой тревогой. — Мне про эту Киру знаешь, сколько всяких страстей-мордастей рассказывали! У неё и семейка какая-то непростая. Там люди при деньгах и при статусе.

— Да мне плевать, кто она такая и какая у неё семья! — я в сердцах швырнула салфетку на стол и с запоздалым сожалением огляделась.

Но на наш диалог, слава богу, никто из посетителей кофейни внимания не обращал. Однако я всё же понизила голос, чтобы никто этого позора, кроме нас, не услышал:

— Олесья, мне плевать на всё это, если окажется, что Ренат действительно мне с ней изменяет! Я... я вообще думать об этом не могу! Я н-не понимаю!

— Аль, ну ты не травми себе раньше времени сердце, — попыталась успокоить меня подруга.

— Да как не травить, если это всё, о чём я сейчас вообще могу думать! — всхлипнула я. — И вед если бы я этого

совершенно случайно в его офисе не подслушала, я б и не знала!

— Мы не знаем этого наверняка, — напомнила подруга.
— Мало ли о чём в его офисе судачат!

— Дыма без огня не бывает. Никакие новости не рождаются из пустоты!

Да я за эти три дня с тех пор, как услышала о предполагаемых шашнях мужа с его ассистенткой, вся извелась. Любые попытки узнать что-то в обход ничего не дали. В офисе лично со мной никто откровенничать не спешил. А прямой вопрос вызвал у мужа усмешку.

— Альбина, ну что за чушь? Стал бы я тебе изменять, когда мы готовимся стать родителями?

И мастерски проехался по больному, а заодно будто прочёл мои собственные мысли. Я тоже всё пыталась понять, как же можно любовницу заводить, когда всё, о чём стоило бы думать — это появление нашего будущего малыша.

Но, может, это было грандиозным событием лишь для меня? Может, я просто не заметила, когда у моего мужа жизненные приоритеты сместились?

В конце концов этого стоило ожидать — со дня нашей свадьбы для Рената многое успело измениться. Это касалось по большей части профессиональной сферы, но бизнес не мог не влиять на личную жизнь. Сейчас он генеральный директор стремительно растущей строительной компании. Приоритеты смещаются, запросы растут, возможности расширяются.

Вот уже и любовницу завести стало едва ли не требованием по статусу.

Ох, такими мыслями я только сильнее накручивала себя. А напряжение росло, и ему не было выхода.

— Аль, ну ты попытайся всё-таки успокоиться, — снова попыталась урезонить меня подруга. — Ну, хоть немного.

— Не получится, — ответила я, бросив взгляд на зажёгшийся экран телефона. — Я же выведала у его секретарши подробности его сегодняшнего расписания. И она пообещала мне маякнуть, если заметит что-нибудь подозрительное.

Перехватив её тревожный взгляд, я тут же покачала головой

— И не спрашивай, чего мне это стоило. Я таких больших денег ещё никому никогда не платила.

Эля, между прочим, была очень верной подчинённой, но из-за собственных личных сложностей остро нуждалась в деньгах, чем я и воспользовалась, клятвенно пообещав, что начальник её никогда и ни за что о нашей сделке ничего не узнает.

— Так и что, маякнула? — жадно спросила Олеся.

— Они сейчас в его кабинете. Заперлись на обеденный перерыв.

И у меня даже горло стянуло от тошнотворного страха. Это тот самый вид страха, который испытывает человек перед решающим шагом в пропасть. Страх неотвратимости.

— Может, ты бы не ехала? — жалобно попросила подру-

га. — А вдруг там... ничего? Может, они какие-то рабочие вопросы решают?

— Если бы решали, Эля бы не написала, — шепнула я.
— Нет, Олесь, мне нужна ясность. Она мне сейчас важнее, чем покой.

Да и о каком покое могла идти речь. До офиса мужа я добралась за семь минут, но успела сдуреть от волнения и приливов противного жара, окатывавшего в моменты наибольшего напряжения.

В приёмную прокралась как вор, бросила вопросительный взгляд на секретаршу.

Та вышмыгнула из-за стола и шепнула.

— Он не просил меня на месте оставаться, поэтому скажу, что на перерыве была.

И схватив сумочку, действительно выскочила из приёмной.

Но я успела заметить в её глазах сожаление вперемишкку едва ли не с жалостью. Она точно знала, Чем они там занимались.

Поэтому я не стала тратить время на сомнения и топтания на пороге.

Супруг не ждал меня здесь. Я всегда предупреждала его о визите, если собиралась заглянуть к нему на работу. Дверь голубки и не подумали запереть.

Отчаянные или просто хотели особого вида экстрима?

Толкнув тяжеленную дубовую створку, вошла в кабинет и

установилась на сладкую парочку.

Та самая Кира томно закатывала глаза, пока мой супруг лобызал её гибкую шею. Его крепкие пальцы жадно впивались в порозовевшую кожу её оголённого бедра. Меня выворачивало наизнанку от омерзения и боли. Но я запретила себе даже взгляд отвести.

— А ты решил провести свой обеденный перерыв с максимальной пользой, — меня трясло, и голос откровенно дрожал.

Но плевать. Главное, что я ещё стою и могу говорить, хоть дыхание и перехватывает от рушащегося на моих глазах мира.

— Аля? — оторвавшийся от шеи своей ассистентки, муж тарашится на меня, будто не может поверить своим осоловевшим глазам.

Кира испуганно охает и пытается прикрыть свою постыдную наготу.

— Выгони её, — взвизгивает она. — Выгони сейчас же! Она не имеет права тут находиться! Ты же сказал, что она тебе уже никто!

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»

Читать: <https://litnet.com/shrt/OtCJ>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей по-

мочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Громов!
 Данила поднял на меня больной взгляд:
 — Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы расстались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения. Ему семь.

 ♥# властный мужчина
 ♥# сложные отношения
 ♥# очень эмоционально
 ♥# ХЭ

Глава 2

— Кира, заткнись! — шикает муж и безуспешно пытается затолкнуть её себе за спину.

Я слежу за их безобразной вознёй и пытаюсь понять, что вообще чувствую. Столько эмоций смешалось в тугой, тошнотворный клубок. Он оседал где-то в районе моего подпрыгивавшего к горлу желудка. Мне было трудно дышать. Я боялась, что меня вывернет от нервозности и страшного осознания, что все мои страхи, все мои опасения и тревоги подтвердились.

А слова этой визгливой дряни сейчас буквально жгли мою душу.

Ренат сказал ей, что я ему больше никто?

— Какая... прелесть, — я заставила себя расцепить стиснутые зубы. — А мне Ренат почему-то забыл сообщить такую важную вещь. Так я тебе никто? М-может, мы уже и по документам не в браке, а ты просто не соизволил меня об этом уведомить?

— Аля, угомонись, — приказал муж. — Тебя вообще здесь быть не должно!

— но я есть! — крикнула я. — Вот, стою на пороге твоего кабинета, где ты собрался драть эту и без того драную кошку. Стою и выслушиваю от неё какую-то ересь!

— Кира, выйди, — распорядился Ренат, живо подтолкнув

её к выходу. — Позже тебя позову.

Эта девка видела, что сейчас спорить с ним бесполезно. Но метнувшись мимо меня, успела смерить взглядом и прошипеть:

— Ты о своих словах ещё пожалеешь, курица ты облезлая!

Я видела, какой ненавистью светились её зелёные глаза. Кто бы мог подумать, что всего пара брошенных в гнев слов сможет до того её оскорбить, что она тут же до прямых угроз опустилась!

Мне вдруг припомнились предупреждающие слова подруги о том, что со Степановой лучше не связываться.

Вот только плевать я хотела на эти предостережения. Сейчас я готова была придушить эту наглую, распоясавшуюся стерву своими собственными руками.

Дверь захлопнулась за ней с таким грохотом, что я дёрнулась.

— Как это понимать? — вздёрнула подбородок, хоть тот уже и трусился от подступивших слёз. — Как всё это вообще понимать?

— Никак, — со злостью отозвался Ренат. — Каких ты ждёшь от меня оправданий? Аля, ты знаешь, что я терпеть не могу оправдываться. И сейчас делать этого не собираюсь. Ты же не ждёшь, что я стану у тебя в ногах валяться и прощения просить? У меня появилась возможность расслабиться — и я собирался ею воспользоваться.

— В который раз?

— Что?

— В который раз ты собирался ею воспользоваться?! — рывкнула я. — Сколько ты мне уже с ней изменяешь? С ней или с кем-либо другим!

Ренат потемнел лицом и метнул быстрый взгляд на дверь кабинета, словно гадал, не подслушивал ли мои крики кто-нибудь из приёмной.

А мне было уже всё равно. Даже если бы и подслушивали.

— Громкость понизь, — приказал он. — Твои крики никому не помогут. А я тебя и так прекрасно слышу. Не глухой!

— Нет, не глухой. Просто лживый и похотливый кобель, который решил влезть на первую попавшуюся...

Я не успела договорить. Муж стремительно обогнул стол, в два шага оказался рядом со мной и, больно схватив меня за плечо, сильно тряхнул.

— А ну замолчи! Ты думаешь, раз ворвалась сюда, как бешеная фурия, можешь сыпать оскорблениями, и тебе ничего за это не будет?

Я ошеломлённо уставилась на него, краем сознания уловив, почему он так себя ведёт. Его разозлило то, что он ничего не успел. Видимо, сильно задела последние мои слова — впервые решил отовратиться прямо на рабочем месте, поймал кураж, и тут ничего не получилось.

— Матвеев, да что с тобой? — прошептала я, Вмиг лишившись всего своего запала. — Ты хоть помнишь, что скоро мы станем родителями? Ты хоть понимаешь...

— Именно потому! — оборвал он меня. — Как тебе не понятно?!

— Не... не понятно что? Что не понятно?!

Меня почти пугало то, что я действительно не могла уловить, о чём он мне говорит. Он мне изменял именно потому, что у нас будет ребёнок? Как это вообще можно логически соединить?

Но, видимо, я сильно недооценивала разность наших с Ренатом взглядов на жизнь.

— Я скоро окончательно остепенюсь. Скоро станут отцом! После этого я уже не имею права ошибаться. Я должен быть примером для ребёнка. Это совершенно новая жизнь для меня! Твою-то мать, я должен проговаривать тебе очевидные вещи?

Я таращилась на его помятую, не до конца застёгнутую рубашку. На растрёпанные волосы и горящие глаза. Он — сумасшедший или это я сумасшедшая? Как можно всерьёз такие доводы приводить?

Но... наверное, можно, если ты из всех сил пытаешься оправдать своё скотское поведение. Свою готовность идти на поводу у низменных желаний просто потому, что тебе захотелось.

— Ренат, это так не работает, — выговорила я наконец. — Измена — это измена, когда бы ты мне ни изменил! Это предательство! Это низость! Мы с тобой не в открытом браке живём, чтобы оправдывать хоть чем-то свои походы налево!

— Я их ничем и не оправдываю, — мрачно напомнил мне муж. — И я не ждал, что ты примешь мою точку зрения. Я тебе уже сказал, что не стоило врываться сюда без предупреждения. Ты стала жертвой собственного любопытства.

— Я стала жертвой твоей измены, — проговорила я, дрожа с головы до пят от унижения и невыразимой боли, опасно сгустившейся в сердце. — Твоей измены. Твоего предательства. Но я не собираюсь с этим мириться!

— Тормози, — тут же ошетинился муж. — Предупреждаю сразу, Альбина. Никаких разговоров о «разъедемся, разведёмся». Ты меня поняла? Я не собираюсь из-за твоих истерик ребёнка терять!

Глава 3

— Ты думаешь, мне есть до этого хоть какое-нибудь дело? Матвеев, ты ведёшь себя, как последняя скотина и ожидаешь от меня понимания?

Супруг стиснул зубы, явно воздерживаясь от новой фразы, которую я сочту за оскорбление.

— Я повторяю, Альбина, — упрямо надавил он. — Никаких разговор о разводе лучше даже не начинай. Что случилось, то случилось. Но это не повод кидаться в подобные крайности!

— Это мы ещё посмотрим! — рявкнула я и оставила его кабинет

У меня не было никаких конкретных планов или стратегий. Да господи ты боже мой, я до последнего хранила безумную надежду на то, что это всё-таки какое-то недоразумение, которое обязательно вот-вот разрешится. Я надеялась, что ошибаюсь, хоть всё и указывало на то, что, к сожалению, я в своих подозрениях почти на сто процентов права!

Но как же не хочется верить в худшее!

Добравшись домой, я какое-то время металась из комнаты в комнату, не в состоянии мыслить здраво. Где в это время пропадал муж, я не знала. Подозреваю, он почти наверняка остался в офисе и даже не потому, что того требовали какие-нибудь неотложные дела по работе. Он не мог не

пообщаться из-за всего случившегося со своей любовницей. Возможно, даже план действий какой-нибудь наметили.

Но когда Матвеев появился домой спустя пару часов, оказалось, что я не совсем верно рисовала себе ситуацию.

— Не сбежала ещё? — поинтересовался он, стаскивая с себя галстук на пороге нашей супружеской спальни.

Я метнула на него полный ненависти взгляд и продолжила вытаскивать с полок вещи.

— Я не собираюсь больше спать в этой комнате, — отрезала я. — Мне противно ложиться в эту постель.

— Ну, тогда я её выкину, — ответил муж как ни в чём ни бывало. — Новую купим

На его последней фразе я едва не споткнулась о край ковра и уставилась на супруга в недоумении.

— Что?..

— Что? — ответил он с наигранным удивлением. — Аля, послушай. Ты уехала, и у меня было время над всем как следует подумать. Ну, ты же не будешь отказывать мне в прагматизме и здравомыслии. Как и все деловые люди, я могу включать голову, когда это необходимо.

Меня немало сбил с толку такой настрой. Я чувствовала перемену в его настроении. Если в кабинете Ренат бычился и готов был переть напролом, буквально сам на конфликт нарывался, то сейчас даже по одной его позе можно было сказать, что он реально настроен на диалог.

Не понимаю, откуда такая перемена и что это значит.

— Ну я тебя только прошу, не смотри на меня так, будто пытаешься угадать, в каком из моих карманов спрятана граната, — пошутил он. — Я действительно хочу поговорить. Ты же знаешь, я человек вспыльчивый, но отходчивый.

— А я — нет. Или ты думаешь, если ты сменил гнев на милость, то и я это сделаю? Напомню, это ты мне изменил! Ты! Я ни в чём перед тобой не виновата!

Ренат поднял руки ладонями вверх, словно сдавался.

— Хорошо. Я согласен. Окей. Да, я неправ. Ты на меня агрессивно наехала. Я рефлекторно стал в стойку. Ты знаешь за мной такой недостаток.

— Да не в этом твоём недостатке дело сейчас! А в том, что ты мне изменил. Как ты этого не понимаешь? Иди ты намеренно пытаешься моё внимание на другое переключить? За дуру меня держишь?

Супруг выдохнул, пытаясь скрыть нараставшее раздражение.

— Я держу тебя за пока ещё разумную женщину, которая сможет прислушаться к моим доводам, если захочет.

— Пока ещё? — прошипела я.

— Извини, — снова попятился муж. — Извини. Опять виноват. Не хотел. Я исправлюсь.

— Измену ничем не исправить!

— Аля, послушай, — настаивал муж. — Я понимаю, что совершил недопустимое. На скоро наша жизнь круто изменится. Я... я испугался, окей? Вот ты услышь меня сейчас,

пожалуйста! Очень тебя прошу! Я не могу ручаться за всех мужиков. Я не знаю, все мы одинаково устроены или нет, но лично я испугался. Когда узнал, что ты беременна, я дико обрадовался. А потом всякое начало в голову лезть, понимаешь? Вот, жизнь никогда прежней не будет. Вся свобода окончательно под запретом. Дети — это громадная ответственность. Это — целый новый мир. Ты только представь, как мне сложно тебе в таких вещах признаваться! Мужики ничего не должны бояться.

— А тебя... ребёнок наш испугал? — прошептала я.

— Да! Да, Аль, в том и дело! Это же... это же тектонический сдвиг! Это эпохальная перемена! Я реально замандражировал. И меня бросило в крайность. Захотелось снова почувствовать, каково это — быть одному, безо всех обязательств. И вот во что это вылилось. Твою-то мать, сам же тебе говорил, что оправдываться не буду. Но видишь? Видишь? Я хочу, чтобы ты понимала — для меня семья очень важна! И ты важна, и, конечно, ребёнок! Давай не будем уничтожать то, что я по дурости чуть не испоганил. Прости меня, Аль.

— А куда ты собираешься деть свою эту Киру?

— Она не моя, — отрезал муж. — И никуда я её девать не собираюсь. Мы поговорили, и я сказал, что между нами ничего быть не может. Я одумался, и эта ситуация буквально заставила меня очнуться.

Я слушала его с недоверием и безотчётной тревогой. Я

пыталась прямо здесь и сейчас отделить зёрна от плевел и понять, врёт он мне или нет.

Это было почти невозможно. Внутри у меня всё сжималось от боли, обиды и растерянности. Ситуация совершала слишком резкие новые повороты, я и не успевала реагировать, боясь оступиться и совершить роковую ошибку.

— Ренат, у не могу поверить тебе просто потому, что ты заявил, будто раскаялся. Сначала ты на меня наорал, а теперь просишь простить.

— Аль, — в глазах мужа мелькнуло тёмное пламя. — А ты думаешь это легко — отыскивать компромиссы? Я готов пойти на всё ради сохранения нашей семьи. А ты? Ты готова?

Глава 4

— Вы должны меня поддержать — не просто попросил, а буквально потребовал он, рассматривая лица родни в экране чата по видеосвязи. — Всё что от меня требовалось, я сделал. Я тысячу раз у неё прощения попросил. Признал, что оступился. Что это моя ошибка.

— Сын, такие... проступки словами не залечишь, — осторожно отозвался отец.

Родитель слишком хорошо понимал, что давно лишился права что-то приказывать сыну. В дело могли идти только советы, и отец в этом плане уважал их негласное соглашение. Возможно, поэтому он даже особого осуждения в отцовском голосе пока не услышал. Это, конечно, не значило, что он не скрывает своё истинное отношение к ситуации.

Позже они с матерью, наверняка, обсудят своего непутёвого сына. Но в глаза побоятся ему высказать своё неодобрение. В этом вопросе он давно между собой и родными границу провёл.

— Я прекрасно отдаю себе в этом отчёт, — нахмурился Ренат. — Но загладить свою вину я могу только делом, а на это нужно время. А где я его возьму, если Альбина закусит удила и решит, что я не достоин её прощения? Думаете, я стал бы звонить и просить вас о поддержке, если бы сам мог с этим справиться?

Да твою-то мать, он на одни букеты больше ста штук успел спустить. И дело сейчас вообще не в деньгах. Он и не думал их считать. Просто сам факт — дорогими подарками прощение Али не купишь. А ему нужно сохранить мир в семье. У его вся жизнь расписана, и это неожиданное отступление от правил слишком дорого ему выльется. Развод и жизнь порознь с собственным ребёнком — не вариант. Не рассматривается в принципе.

— Мы с ней поговорим, — пообещала мать со вздохом.
— Можешь на нас рассчитывать. Просто...

— Что? — нахмурился сын. — Говори.

— Просто пообещай, что такого больше не повториться.

— Ма, за кого ты меня принимаешь? Думаешь, я не понимаю, насколько это серьёзно?

Вот всё-таки нет-нет да пытаются учить его жизни. Он взрослый мужик. Сам прекрасно всё понимает. Но кто не без греха? Можно подумать, его родители — люди святые.

— Уверена, что понимаешь, — примирительно отозвалась мать. — Но ты парень горячий. И сам знаешь, что иногда тебя всё же заносит.

Пришлось проглотить эту горькую пилюлю. Ради общего блага.

— Знаю. Знаю и обещаю впредь следить за собой.

И его усилия дали плоды. Пусть не сразу, пусть со скрипом и без особых гарантий, но жену удалось немножечко успокоить.

И вот, спустя пару недель они уже относительно мирно завтракали перед его отъездом в офис.

— Это запрещённый приём, — всё-таки не удержалась Альбина от замечания.

Ренат бросил взгляд на жену через стол и не мог не отметить, что беременность её украшала. Она непередаваемым образом будто изнутри засияла, и на душе у него невольно потеплело от этого осознания — он ведь реально скоро станет отцом. Стоила ли того интрижка с Кирой? Пусть эта интрижка и много обещала в плане удовольствий. Да и Кира, чего греха таить, горячая барышня. Горячая, настойчивая и очень раскованная. В этом плане они с Альбиной очень разные.

— О чём ты? — Ренат сделал вид, что не понял, куда она клонит.

— Ты семью свою в наши разборки втянул. Не стоило этого делать.

— В любви и на войне все средства хороши, — не стал отпираться Ренат. — Аль, просто пойми, что я по-настоящему испугался тебя потерять. И не хочу, чтобы ты до конца дней своих меня проклинала.

— Дело ведь не только в этом.

— Я понимаю. И понимаю, что исправить случившееся уже никак не смогу. Но поверь, если бы это было в моих силах, я бы не раздумывая открутил время назад.

Жена бросила на него взгляд исподлобья.

— Что я такого сказал?

Она неопределённо пожала плечами:

— Да так... Уж больно ты стал сговорчивый.

— Но я же пообещал тебе, что приложу все усилия для того, чтобы сохранить этот брак.

— Ради ребёнка.

— Ради тебя и ребёнка, — поправил он с нажимом. — Аль, ну вот зачем ты намеренно пытаешься вытолкнуть себя за скобки?

Она опустила взгляд в свою почти полную тарелку.

— Я просто подумала... Не знаю. Когда я вас застала в кабинете, когда увидела, как жадно ты её тискаешь... — её голос дрогнул. — Я подумала, что любимым жёнам не изменяют. От добра добра не ищут, разве не так?

Ренат медленно выдохнул, пытаюсь отыскать нужный ответ. Беседовать с женой всё равно что ходить по минному полю — иной раз не угадаешь, какой он, этот верный ответ.

— Аль, ты заблуждаешься. Иногда логикой такие вещи не объяснить. Иногда просто... не знаю. Ну, можно описать это одним словом — приспичило. Вот такие мы, мужики, примитивные создания.

На какое-то время между ними воцарилось молчание. Но не стоило и надеяться, Что Альбина так просто слезет в этой лошадки.

— Так это значит, что тебе в какой-то момент опять может приспичить...

— Нет! — оборвал он её. — Нет, не приспичит. Потому что был прецедент. Я хочу, чтобы ты уловила эту важную разницу. Договорились?

И ему как-то удалось её убедить. Ренат даже разнадеялся, что вопрос себя исчерпал и к нему они не вернутся.

Но, как выяснилось, никогда ещё в жизни он так сильно в своих прогнозах не ошибался. После обеденного перерыва, когда он уже собирался посвятить некоторое время, свободное от встреч и консультаций, разбору писем в своём почтовом, ожил селектор, и секретарша ему сообщила:

— Ренат Александрович, тут к вам Кира Степанова. Говорит, по какому-то очень важному вопросу. Примете?

Глава 5

— Ну, если по какому-то очень важному, — проворчал Матвеев. — То, конечно, приму.

Вообще-то их общение было неизбежностью. Они работали в одном офисе. Хотя после всего, что стряслось, в его голову уже не первый раз закрадывались мысли о том, чтобы всё-таки всерьёз задуматься о её переводе.

Понятное дело, Кира будет дико таким положением дел недовольна. Но для него сейчас важнее семью сохранить и успокоить жену.

К слову, надо было отдать должное дипломатичности Али — она с ходу не заявила о том, что требует голову Киры себе на серебряном блюде. Хотя Ренат подозревал, что это исключительно дело ближайшего будущего. Вот она немного остынет, отойдёт и включит рацию. И тогда от продолжения темы никуда уже не деться.

Так, может, стоило бы сделать это сейчас, по горячему? Чтобы не затягивать процесс.

За очередным проигрыванием этих мыслей его и застала Кира, которая вошла в его кабинет с таким видом, словно ничего не случилось.

— Думала, тебя и сегодня на рабочем месте не застану, — протянула она и огляделась, будто ожидала обнаружить в его кабинете кого-то ещё.

Кем-то ещё в прошлый раз оказалась его дышавшая праведным гневом супруга, поэтому, наверное, неудивительно, что Кира пыталась на всякий случай убедиться в том, что сейчас-то они одни.

— Был занят, — лаконично отозвался Ренат, поглядывая на рабочие бумаги. — Разбирался с личными вопросами.

Кира меж тем добралась до одного из гостевых кресел и опустилась в него с присущей ей грацией дикой кошки.

— Ну и как? Разобрался?

— Если бы не разобрался, ты бы меня действительно сегодня тут не застала, — Ренат вопросительно приподнял брови. — Ты ко мне заглянула по какому-то рабочему вопросу?

Степанова смерила его долгим, внимательным взглядом, будто пыталась определить, стоит ли говорить ему правду.

— Знаешь, в наших с тобой отношениях, наверное, сложно определить, где профессиональное, а где — личное.

Ну вот только таких заигрываний и скрытых подтекстов ему сейчас и не хватало.

— Кир, нет между нами ничего эдакого. Давай искусственно не создавать вокруг нашей ситуации ореол особенности.

Его ассистентка прищурилась. И Ренату на миг показалось, он успел выхватить в её взгляде отблеск злости на такие слова.

— Ничего особенного, да?

— Слушай, я не буду трусливо пятиться и притворять-

ся, что вообще ничего не было. Был какой-то момент. Была вспышка, искра. Всё это было. Я здоровый мужик, ты — привлекательная и эффектная. Это вполне нормальная реакция, но исключительно инстинктивная.

— Хочешь дать мне понять, что уже пожалел?

Матвеев уже понял, что сейчас в его запасе попросту нет такого ответа, который бы её удовлетворил. Никакой из них, как бы он ни пытался играть в дипломата, её не порадует. А значит, выбирать меньшее из зол смысла особого не имеет. Тем более что итог этого разговора не предполагает никаких вариантов. Если он, конечно, хочет сохранить честность по отношению к супруге и действительно собирается свой пошатнувшийся брак сохранить.

— Я женатый человек и не привык к роли обманщика и предателя. А то, что между нами едва не случилось, моя супруга иначе, как предательство, и не расценивает.

— Так дорожишь своими отношениями в браке? Что, получается, книжки врут? — скривила она свои пухлые манящие губы. — Выходит, любовь всё-таки живёт дольше трёх лет?

— Я понимаю, что тебе слышать такое сейчас не особо приятно, но придётся принять эту реальность, — добавляя голосу строгости, объявил Матвеев.

— Можешь ответить мне честно? — спросила она, накрутив на указательный палец свою длинную смоляную прядь.

— Конечно. Спрашивай, что тебя интересует.

Кира слегка усмехнулась, будто засомневалась в его готовности действительно быть с ней откровенным.

— Скажи, Матвеев, ты сейчас пытаешься быть таким правильным, потому что реально настроен сохранить верность жене или только лишь потому, что тебя не устраивают перемены?

Ренат нахмурился. Она что, пытается перехватить инициативу в их разговоре и хочет почувствовать своё верховенство, а его низвести до какого-нибудь подкаблучника, который говорит ей о том, что между ним ничего не может быть исключительно потому, что хочет своей рассерженной жене угодить?

Она зря затевает с ним такие вот игры. Видимо, Кира Степанова посчитала, что вот настолько так хорошо его изучила.

— А я смотрю, для себя ты на этот вопрос уже ответила. Вместо меня, — прищурился он. — Поэтому не вижу смысла тратить время и усилия на разъяснения. Тем более что в этом смысле мы друг другу ничего не должны. Между нами был момент, и он не повторится. Давай на этом и остановимся. Я расставил для себя приоритеты. И моя семейная жизнь мне дороже интрижки. Даже с такой соблазнительной женщиной, как ты.

— Матвеев, не пытайся подсластить эту пилюлю комплиментами.

— И не думал.

— Не думал ты, когда решил, что между нами ничего,

кроме потенциальной интрижки, быть не может, — хмыкнула Кира. — А знаешь, почему я так считаю? Потому что тело не врёт. До того, как твоя жёнушка ступила на порог твоего кабинета, ты готов был меня проглотить. Я тебя слышала. Я тебя чувствовала, Матвеев.

— Кира, не забывайся.

— И не думала, — вернула она ему его же слова с явной насмешкой, а потом встала из кресла и направилась к выходу. — Только знай, Матвеев, я твоего решения не принимаю. Очень скоро мы буде вместе. Вот увидишь. Я не просто верю в это. Я это знаю!

Глава 6

— Аль, это не запрещённый приём, это отчаянный шаг отчаявшегося человека, — мама накрыла своей тёплой ладонью мою и осторожно сжала мои заледеневшие пальцы. — Ренат действительно испугался, что потеряет тебя из-за своей неосмотрительности.

— Неосмотрительно измену неосмотрительностью называть, — горько ответила я и высвободила пальцы, чтобы смахнуть с ресницы одиноко повисшую на них слезинку.

Я даже не плакала, просто время от времени накатывало, и приходилось бороться с подступавшими слезами. Сейчас мне это давалось значительно легче, чем ещё даже пару дней назад.

Все вокруг кинулись меня успокаивать. Я даже не ожидала, что окружающий мир так дружно навалится на меня со всех сторон, убеждая, что торопиться не стоит. Свёкры смотрели на меня умоляюще и просили хорошенько подумать. Ренат, понятное дело, не уставал повторять, что сожалеет о своём идиотском порыве, будто ему кто-то пелену на глаза накинул.

Ну и вот мои родители тоже оказались в одной лодке с остальными. Стоило мне заявиться к ним на порог, как ни о чём разговоров больше и не было, кроме как о случившемся. Будто и их Ренат успел как следует подговорить.

Но я сомневалась, что с моими родителями он стал бы тот же номер проворачивать. Не те условия и не те отношения. Моих родителей он уважал, они его тоже, но в целом они держали друг друга на почтительном расстоянии. Чистое уважение без попыток навязаться в любимчики.

Но даже при этом моя родня посчитала, что лучшим выходом будет простить.

— У вас такая красивая пара, — мама смотрела на меня повлажневшими от наплыва эмоций глазами. — Такая красивая! И всё у вас так хорошо складывается. Ты же за Ренатом как за каменной стеной. Сама же мне не раз говорила!

— Мам, но тут же другие обстоятельства, — запротестовала я, хотя и подозревала, что сейчас веду скорее внутренний диалог, проговариваю самой себе то, что не давало покоя. — Я никогда и не отрицала, что я с Матвеем чувствую себя защищённо. Это чистая правда. Но тут... тут ведь вопрос верности чувствам!

— Но он ведь прощения попросил?

— Мам, он не за разбитую любимую кружку извинился. Он на другую женщину глаз положил!

Мать вздохнула:

— Я понимаю. Но мужчины... ты же сама знаешь, что устроены мы по-разному.

— Мы устроены одинаково, — едва ли не прорычала я, устав слушать эту идиотскую мантру о разности полов. — Ты либо в состоянии усмирить в себе животное, либо ты

этому животному потакаешь. Всё! Нет между мужчинами и женщинами никакой принципиальной разницы в этом плане. Женщины тоже направо и налево гуляют! И это не какая-то тайна! Но это вопрос осознанного выбора. Скажешь, я не права?

— Права. Права, Аля. Ты у меня девочка умная. Я бы с тобой спорить не стала. Но ты верно про выбор сказала. Ты тоже стоишь перед осознанным выбором. Принять извинения оступившегося мужа, проявить великодушие и попытаться понять. Ради будущего, ради вашего ребёнка. Ради стабильности и семьи. Или не принимать, не прощать, развестись и с этого момента всё тянуть на себе. Надрываться. Зарабатывать копейку, во всём полагаться исключительно на себя. Это при том, что очень скоро на какое-то время ты будешь не в состоянии работать, потому что посвятишь себя ребёнку.

— Мам...

— Я не пытаюсь тебя запугать или заставить как-то изменить своё отношение к ситуации, — примирительно добавила мать. — Я просто говорю тебе, что выбор у тебя непростой. Я бы даже сказала, судьбоносный. От этого зависит, как твоя жизнь сложится дальше. И главное, всю ответственность за этот выбор ты сейчас берёшь на себя.

— Ненавижу, когда ты пытаешься всё вот так рационализировать. И вообще, тебе легко рассуждать...

— Да почему это мне легко? — возмутилась мать. — Как будто я разговариваю с посторонним человеком! Ты же мне

родная дочь, у меня за тебя сердце кровью обливается! Как это мне легко? И ты думаешь, отец за тебя не переживает? Да ещё как переживает, просто он этого толком выразить не может. И не знает, как тебе помочь. Ну что, он пойдёт сейчас морду твоему Ренату начистит за то, что тот натворил? Ну от этого легче кому-нибудь станет или у вас улучшатся отношения? Брак — это рабата, Аль. Согласна, неприятная правда, но уж как есть. И если Ренат готов над собой работать, может, и тебе стоило бы какие-то усилия приложить.

Как будто до этого я их мало прикладывала. И что же теперь так всю жизнь, не разгибая спины, и пахать?

— А с ребёнком дополнительные хлопоты возникнут, — напомнила мама. — Ренат и так за него трусился, а сейчас и подавно. Он тебе покоя не даст. Развод у вас будет не из приятных.

— Я пока и не говорила, что разводиться с ним собираюсь, — вздохнула я. — Дам ему время. Испытательный срок. Если почую неладное, второго шанса точно не дам. Пусть потом не говорит, что я его не предупреждала.

— А вот это правильное решение, — согласилась мама. — Вот это лучше всего. Тебе потом и себя не за что будет винить. Будешь точно знать, то сделала всё возможное.

И меня поневоле убаюкали её заверения. Я поняла, что готова простить, но понимала, что второго шанса Матвеев уж точно от меня не получит.

— Может, отец тебя до дома подбросит? — предложила

мама, когда мы прощались

— Не нужно, — покачала я головой. — Пройдусь, Воздухом подышу. Нужно подумать.

Да и что со мной могло бы случиться?

И я спокойно отправилась домой своим ходом. Изрядную часть пути — на метро, а оттуда уже в сумерках свернула на знакомую аллею в городском парке.

Но уже у самого выхода из него на участке, где стоял неисправный фонарь, дорогу мне перегородили смутные фигуры.

— Куда идём, красавица? Стой, стой. Куда спешишь-то так? Давай побеседуем.

Глава 7

— Кир, а ты чего сегодня кислая такая? — Марьяна из юротдела заглядывала ей в глаза, будто ей реально было хоть какое-то дело до её бед и забот.

Никто в офисе Матвеева к ней искренней симпатии не питал. Её многие боялись, уважали, с ней старались сохранить хорошие отношения, потому что людская молва не дремала — все знали, что Степанова Кира из тех самых Степановых. И что работать сюда ассистенткой пришла не потому, что на большее не претендует, а чтобы набраться опыта.

Но у Киры были и иные причины устроиться в фирму Матвеева.

Собственно, сам Матвеев.

— Он крайне перспективный бизнесмен. У него очень хорошая хватка, — как-то за ужином отметил её отец, а чтобы получить такую похвалу от её отца, да при этом ещё и не приложить никаких усилий... это дорогого стоило.

Она-то знала. Она всю свою жизнь положила на то, чтобы её строгий папочка ею гордился.

Но Ренат Матвеев был не только перспективным бизнесменом. Он был красивым, умным, мужественным, сильным и заботливым. Правда, последнее, к досаде Киры, распространялось только на его законную жену.

А сейчас они с супругой ещё и ожидали своего первенца.

Так что... время утекало из рук, как песок. И не стоило растрачивать остатки впустую.

И вот, когда она уже разнадеялась, что у них с Матвеевым всё закрутилось... этот скандал!

Как эта чёртова Аля разнюхала о том, что её муженёк поддался? Кто-то ей рассказал? Или, может, сама догадалась? Нет, последнее вряд ли — слишком тупая и слишком наивная.

— Я не кислая, — отмахнулась Кира от расспросов коллеги и продолжила размышлять о своём.

— Ну, не в настроении.

— А у кого на работе есть настроение?

Марьяна Фыркнула.

— Ну, тут не поспоришь, но... — и она выразительно приподняла брови. — У тебя-то в последнее время всё *заладилось*.

Последнее слово она произнесла с особым выражением. Они о романе с Матвеевым не откровенничали, но Марьяна глазастая и смышлёная, а ещё очень хорошо понимает намёки. Вот и этот легко поняла. Но самое главное, в офисе об этом никому не болтала.

Неужели это она сдала их жене?

— Всё не так радужно, как тебе кажется, — проворчала она. — Мы с ним на паузе.

Интересно, для кого она сейчас приукрашивала ситуацию — для жадно слушавшей её Марьяны или для себя самой.

Он же ясно дал ей понять, что между ними ничего не будет. Жена устроила ему такой разнос, что он тут же охладел к их роману. Во всяком случае она не заметила, чтобы он лгал, когда ледяным тоном сообщил ей о том, что семья для него важнее всего.

Пронырливая брюхатая дрянь. Небось закатила Матвееву форменную истерику. Чем-нибудь ему пригрозила, ещё и родственников всех на него натравила, чтобы не дали мужика «увести из семьи». Как будто он безмозглый телёнок! Никто никого силой из семьи не уводит. Уводят только тогда, когда сам того захотел.

Кира невольно сжала руку в кулак, и острые ногти вонзились в ладонь.

Она это так не оставит. И словами она не разбрасывалась, когда пообещала это Матвееву. И он её ещё поблагодарит за эту инициативу. Просто сам пока не понимает, что этот бесперспективный брак тянет его на дно. И кстати, от кризиса и развала брака ребёнок — никакая не панацея. Глупые сказки для дурачков.

Отыскать нужных людей оказалось не так уж и сложно. Это почти всегда так, когда финансы — не проблема.

— Только парни, — предупредила она накануне. — Давайте сразу договоримся, без жести. Мне только нужно как следует её припугнуть и вывести из равновесия, хорошо? Мне нужно превратить её истерику. Чтобы она какое-то время подёргалась и мужу спокойно жить не давала. Мне не

рушить нужно, а просто немного расшатать ситуацию.

— Да ясно, чё, — ухмыльнулся «помощник». — Мы ж не изверги какие-нибудь. Никто за такое садится не захочет. Лишние проблемы нам вообще ни к чему.

И сейчас Кира втихаря с удовольствием наблюдала за плодами своих трудов. Она стояла на достаточном отдалении, чтобы её тут никто ни за что не приметил. Выведенный из строя фонарь если кто и возьмётся чинить, то уж точно не прямо сейчас. Так что их тут никто не побеспокоит, а если и побеспокоят, ребята об этом обязательно позаботятся.

— Телефон у неё заберите, — распорядился из сумерек главный. — Давайте его сюда. Ага. И это... следите там, чтобы никто рядом не шнырял.

Насмерть перепуганная Матвеева что-то едва слышно лепетала. Даже, кажется, умоляла, и это отдавалось музыкой в ушах Степановой.

Глупая, самоуверенная, безмозглая курица. Думала, ей такое унижение сойдёт с рук. Думала, она одержала верх — отогнала от мужа гнусную любовницу-потаскушку.

Ну ничего, теперь ты поймёшь, дорогая, что карма служит не только тебе. Справедливость — она для всех одинакова.

Теперь она будет каждой тени шарахаться и дрожать. Скоро её проживание с Матвеевым под одной крышей станет невыносимым. Если надо, Кира повторит урок — и так до тех пор, пока она реально в истеричку не превратится.

И Матеев будет искать утешения. Как и любой нормаль-

ный мужик. И вспомнит, что она, Кира, может дать ему это утешение. Она будет несказанно рада прийти на помощь...

— Эй! — раздалось вдруг из темноты, и Степановой пришлось отвлечься от своих сладких грёз о будущем. — Эй, ты чего творишь, дура?! Ребят, осторожнее! Ах ты ж тварь!..

И вот тут Кира с запозданием поняла, что ситуация развивается не по плану...

Глава 8

— Телефон у неё заберите... И следите там, чтобы никто рядом не шнырял.

Слова неизвестного и бубнёж его подельников начинали сливаться для меня в какую-то кашу. От накотившей паники я воспринимала происходящее будто бы через какой-то невидимый фильтр.

И уже всерьёз испугалась, что вот-вот сознание потеряю. Тогда уж делай со мной что хочешь — я окажусь совершенно беззащитной.

Я не понимала, чего от меня вообще хотят. Ограбить? Изнасиловать? То и другое?

Господи, я как-будто в кошмар окунулась. Как-будто провалилась из благополучного настоящего в какие-то лихие девяностые, когда в вечернее время суток опасно было самой по паркам гулять.

— Ты не дёргайся, — проговорил тот же голос. — Будешь вести себя хорошо, и не пострадаешь. Ну, как не пострадаешь... не сильно.

Кто-то позади меня хохотнул, напряжение достигло своего пика. Я дёрнулась рефлекторно, тут уже действовала не я, а мои нервы, скрученные в тугие узлы.

Я кинулась вперёд, стремясь воспользоваться неожиданностью и просто сбить с ног хотя бы того, кто стоял передо

мной, в надежде разорвать кольцо окруживших меня сволочей и просто сбежать.

Но не получилось

Вокруг загалдели. Меня сбили с ног. Я пинаясь царапалась и кусалась. И въезжала несколько раз во что-то мягкое, заставив нападавших попросту озвереть.

Теперь и со мной уже не церемонились. Я получила удар по скуле, потом — в живот, потом — по рёбрам, и после этого окончательно отключилась.

Возвращение к реальности было... кошмарным. Это как выныривать из благодного небытия в свет, где нет ничего, кроме боли. И болело, кажется, всё. Вдобавок моё несчастное тело словно что-то стягивало. Это только потом я поняла, что кое-где на мне были бинты.

Разлепить глаза сразу не подучилось — у меня будто всё тело невероятно опухло, а веки налились свинцом и сами не поднимались.

Я хрипло выдохнула, и кто-то тихо охнул.

— Аля? — испуганный голос мужа. — Аля! Ты меня слышишь?

Хриплый, надтреснутый, почти неузнаваемый от пропитавшей его тревоги.

— Где... я.

— В больнице! Ты в больнице. Господи, как ты нас напу-

гала...

— Что...

И я не успела закончить вопрос, опять отключившись.

Снова пришла в себя через какое-то время, и свет в палате был уже мягче. Видимо, несколько часов точно прошло.

Зато на этот раз я уже чётче ощущала реальность и, что самое главное, смогла разлепить-таки веки. Глаза тут же наполнились слезами — даже такой свет был для них перебором. Чувствительность всех моих органов чувств словно была сейчас выкручена на максимум.

Показательно то, что сейчас тело почти не болело. Подозреваю, мне недавно вкололи обезболивающее.

Всё ощущалось терпимо, но на краю сознания застряла какая-то очень тревожная мысль, до которой одурманенный медикаментами мозг пока не мог добраться. Я её чувствовала, она зудела в моей голове, но как смутная боль. Очень скоро я пойму, что это такое, но пока...

— Ре... нат.

— Я тут! — перед глазами мелькнула какая-то тень. — Ты снова очнулась. Хорошо. Это хорошо!

Сейчас его голос звучал чуть бодрее, хотя я по-прежнему чуяла в нём отголоски пока непонятной мне боли. Вероятно, он сильно за меня переживал. Вероятно, я заставила его поволноваться. И от этого невольно даже сейчас на душе потеплело.

— Сколько я... так?

— Ты... тебя вчера доставили. И только сегодня пришла в сознание. Ты... вроде как до этого приходила, но... очень ненадолго.

— Не помню, — шепнула я, и, к сожалению, на этом моё благодное неведение закончилось.

То, что казалось смутной и неясной тревогой, навалилось на меня со стремительностью и коварством лавины. Ощущение было такое, словно в меня врезалась молния и опалила все нервные окончания. Ни звука я не издала исключительно потому, что на это у меня не был сил.

Какое-то время я лежала, переживая этот кошмарный приступ и собирая усилия для вопроса.

Муж не спешил прерывать воцарившееся в палате молчание. И в этом жутком припадке паники мне показалось, он знает, о чём я спрошу. Знает и не захочет мне отвечать.

Подёргав мышцами пересохшего горла, я прошелестела:

— Ребёнок... что... с ребёнком?

— Аля, тебе сейчас нельзя...

— Что... с реб-бёнком?

Моё тело напряглось до предела и, казалось, сердце вот-вот лопнет от напряжения.

Ренат не смог говорить, поэтому до моего слуха донёлся только его дрожащий, неровный шёпот, и он разорвал мне сердце на части.

— Мы его потеряли, Аль... мы потеряли нашего малыша.

Глава 9

— Нет... — я едва ворочаю языком.

Внутри всё горит и сжимается.

Я хочу орать оттого, что не чувствую боли. И это создаёт иллюзию, было всё хорошо. Впору поверить, что муж мне жестоко соврал. Я лишилась ребёнка и должна это чувствовать! Я должна корчиться и умирать от разрывающей на части невыносимой боли.

Но спустя пару мгновений боль приходит — она разрывает мне сердце. Тут уже никакими обезболивающими не спастись.

И самое страшное, что от бессилия и бродящих сейчас в моей крови лекарств всё, на что я способна, это ронять в волосы беспрерывно стекающие по вискам горячие слёзы. Мои пересохшие губы дрожат, моё растрескавшееся горло печёт. Но я издаю только прерывистые, всхлипывающие звуки.

Ренат садится рядом со мной на постель, держит мою безвольную руку, горбится и сам выглядит так, словно его избили.

— Не знал, как это сказать. Я сам до сих пор... не знаю, как это пережить...

Бормочет, а я его слова ловлю через раз. Внутри что-то гудит, и этот гул то стихает, то нарастает.

Какое-то время ничего не происходит. Мы с ним словно

увязи в этом странном безвременье. В своей скорби.

— Аль, ты только... ты держись, — хрипло отзывается он наконец, сильнее сжимая мои ледяные пальцы. — Мы как-то всё это... мы перенесём. Слышишь?

Что мне ещё остаётся? Я же понимаю, что он не отстанет, пока не получит от меня хоть какой-то ответ, пусть он и будет далёк от правды.

Поэтому я едва заметно кивнула, просто клюнула подбородком к груди — это и всё, на что я сейчас была способна.

— Ренат... я... оставь меня ненадолго, — попросила я, чувствуя острое желание остаться наедине со своим невыразимым горем.

Супруг посмотрел на меня едва ли не с испугом.

— Аль, нет. Нет, не оставляю. Я же дёргаться буду. А вдруг тебе станет хуже? Вдруг тебе что-то понадобится? Нет, даже не проси.

Сколько заботы и переживаний. Сколько тревоги и желания быть рядом, помочь, оградить от возможной беды.

Как это было не похоже на того Рената, которого я запомнила из той жизни. Потому что с этого страшного дня жизнь для меня неумолимо разделилась на до и после.

И уже не будет иначе.

— Я... в порядке.

— Ты вся в ушибах и ссадинах, у тебя рёбра помяты. В каком ещё порядке? — в голосе мужа прорезалась сталь. — Я сказал, что ни за что тебя не оставляю! Ни сейчас, ни на

ночь, а до тех пор, пока ты не поправишься. Всё, вопрос на этом закрыт!

И я не могла сопротивляться его решимости. Мне казалось, он переживал даже не столько о том, что озвучил, сколько о том, что подозревал меня в каких-нибудь отчаянных действиях.

Может, он и был по-своему прав. Может, я ничего тогда с собой не сотворила только лишь потому, что была для этого слишком слаба. Меня словно бетонной плитой придавило.

И это состояние ещё нескоро меня оставило.

Но на следующий день я хотя бы могла чуть лучше выговаривать слова.

Муж, как и обещал, ночевал в моей палате. Это именно он ранним утром помог мне худо-бедно привести себя в порядок и даже кормил меня сам, не доверив эту процедуру медсёстрам.

— Аль... — он оставил на тумбочку стакан воды, когда я напилась. — Ты не против, если я у тебя кое-что спрошу?

— Спрашивай, — прошелестела я, чтобы хоть чем-то отвлечься от мучавших меня со вчерашнего дня страшных мыслей о невозполнимой потере.

— Ты хоть что-нибудь помнишь? Может, видела, кто на тебя напал? Может, можешь хоть как-нибудь кого-нибудь описать? Я на этих тварей всю полицию города натравлю!

Звучало эпично. Но мне почему-то казалось, что разыскать этих хмырей у нас не получится.

— Где мой телефон?

— Он в кармане у тебя был, кажется. Тебя случайный прохожий обнаружил. Не знаю, может, он рядом его обнаружил и в карман тебе положил. А что, ты его теряла или...

— У меня его отобрали, — прошелестела я. — Думала, может, там отпечатки какие-нибудь обнаружат.

Ренат сокрушённо покачал головой.

— Боюсь, это уже бесполезно. С тех пор этот телефон уже другие люди в руки брали. Да я как минимум, когда вещи твои складывал.

Это усложняло задачу

— Там фонарь не работал, — шепнула я. — Я не видела никого. Голоса только. Но они... обычные. Ничего примечательного.

— Ясно, — разочарованно кивнул супруг. — Но тебе в любом случае придётся это следователю рассказать. Уверена, у них там куда больше возможностей. Может, они и сумеют на след напасть. Тебя ограбить хотели?

— Если бы хотели, телефон бы забрали. Не думаю.... Я вообще не поняла, зачем...

И только тут меня прошила потрясшая меня до основания мысль.

— Меня же... они же меня...

Муж округлил глаза и остервенело замотал головой.

— Господи, нет. Нет, тебя никто не тронул. Выкидыш случился из-за побоев и... ты, видимо, ещё и упала очень

неудачно. Там... сразу несколько факторов...

Я сглотнула вязкую слюну и кивнула, принимая его объяснения.

— Ладно, — Ренат привстал с постели, на которой сидел, пока кормил и поил меня. — Я ненадолго оставлю тебя. Пойду сам душ приму и переоденусь. А то совсем товарный вид потеряю.

Я подняла взгляд на его бледное, осунувшееся лицо и кивнула.

Он вышел. А спустя какое-то время в дверь постучали.

Значит, не муж. Да и не мог он так быстро со всеми делами расправиться.

— Да, — выговорила я и понадеялась, что мой голос по ту сторону будет услышан.

Мгновение спустя дверь отворилась, и на пороге возникла... Кира Степанова.

Она смотрела на меня нервно и настороженно.

— Я.. услышал, что с тобой стряслось. Знаю, ты меня видеть не хочешь. Но... такое горе. Я хотела убедиться, что ты... ну... в порядке.

Глава 10

— Зачем? — только и сумела выговорить я, рассматривая её бледное до синевы лицо.

Что с ней такое? Выглядит так, будто сама угодила на больничную койку. И, может, будь я в нормальном состоянии, даже сумела бы на эту тему слегка позлорадствовать.

Но как же сильно меняется твоё мировоззрение и восприятие окружающего мира, когда проходишь через такой страшный слом... Мир в его привычном понимании просто перестаёт для тебя существовать. И реагируешь ты на всё по-другому.

Но всё-таки даже такая страшная метаморфоза не смогла бы заставить забыть меня о том, кто сейчас неуверенно мялся на пороге моей палаты.

— Зачем? — тихо переспросила она, то и дело бросая в мою сторону опасливые взгляды. — Да я и сама у себя спрашиваю. Но просто... это же такая трагедия. И... и не важно, что было до. Я просто поняла, что не могу остаться в стороне. Я же всё-таки с тобой знакома.

— Да, я в курсе, — прошелестела я. — Через мужа.

Кажется, она не знала, как правильноотреагировать на мой чернейший юмор. Что поделать? Он хотя бы помогал мне сейчас оставаться на плаву и не сойти с ума от переполнявшего меня почти невыносимого горя.

— Н-нет, я не об этом, — наконец продребезжала она. — Мы ведь и... и до этого знали друг друга.

— Ага, — выдохнула я.

И вдруг подумалось, что такое объяснение вряд ли свою функцию как следует выполняет. По её логике, под дверью моей палаты сейчас очередь из соучаствующих выстроиться должна. Не так уж мало у меня было знакомых. Но что-то никто особо не спешил выразить мне свои соболезнования. Что, к слову, и хорошо. Я бы не смогла долгое время выносить изъявления чужой жалости. Мне и так было тошно.

— Откуда тебе... известно?

Степанова похлопала глазами.

— Да в офисе... знают уже. Я не в курсе, откуда. Но я там узнала.

Да и какая теперь уже разница? Знают и знают. В моей ситуации это ничего не меняло.

— Ладно, — я сглотнула. — Пришла. Увидела. Можешь... идти. Мы с тобой не подружки. Мне от тебя... ничего не нужно.

Разве что захотелось пожелать ей на глаза мне не попадаться. Но и это сейчас не стояло у меня в приоритете. Хотя ещё несколько дней назад я ничего так сильно не желала, как переместиться в какую-нибудь счастливую параллельную реальность, в которой ничего никогда не слышала о Кире Степановой.

— Ну... может, я всё-таки чем-то могу помочь? Может...

что-нибудь нужно?

Ты посмотри, как её пробрало. Хорошо, что поблизости зеркала нет. Видимо, я выглядела откровенно паршиво, раз даже она вспылала желанием как-то меня облагодетельствовать. Вот только я не собиралась принимать помощь ото всех подряд.

— Ничего... не нужно. Для этого у меня есть муж.

Между нами тут же повисло тягостное молчание. Она нарушила его первой.

— Я понимаю, что прозвучит неуместно, — пробормотала Кира. — Но всё же скажу. Тебе... очень повезло с мужем.

После случившегося я бы поспорила, но то, как он ухаживал за мной всё это время... тут я бы не смогла ничего сказать поперёк.

— Я знаю, — ответила просто. — Не держу.

— Желаю поскорее поправиться, — напоследок отозвалась Степанова. — И... и отыскать виновных, конечно.

И вышмыгнула из палаты.

Это было совершенно на неё непохоже. Если бы я не видела её собственными пока ещё слегка заплывшим глазами и не слышала её голос, могла бы подумать, что это и не она. И чем-то будто напугана.

Одним словом, странное поведение. Совершенно не в её характере.

Как бы там ни было, надо попросить у персонала больше её сюда не пускать. Эта женщина будила во мне лишь нега-

тивные эмоции. А мне и без неё их хватало с лихвой.

От размышлений меня отвлекли нараставший за дверью гул голосов.

Что там случилось? Что такое?

И спустя пару мгновений словно в ответ на мои немые вопросы дверь отворилась и в палату вернулся Ренат. Оглянувшись через плечо в коридор, он закрыл за собой дверь. На его лице отображалась тревога.

— Ты в порядке?

— Более или менее, — отозвалась я хрипло. — А почему ты спрашиваешь?

Меж бровями у мужа залегла вертикальная складка.

— Со Степановой в коридоре столкнулся. Она сказала, что к тебе приходила.

— Что, тоже удивился? — скривила я губы.

Ренат в ответ ещё сильнее нахмурился.

— Да я вообще не понял, что она тут забыла. Подумал сначала, что и у неё тут кто-то лежит. А она говорит, тебя навещать приходила. Твою-то мать, проходной двор какой-то. Я распоряджусь, чтобы без согласования никого не пускали.

— Видимо, она не только тебя умеет убеждать, — шепнула я хрипло.

— Аль... — лицо мужа превратилось в скорбную маску.

— Пожалуйста, ну хоть сейчас прошлое не вспоминай!

— Считаешь, не стоит?

— Не стоит! — с жаром отозвался упруг и присел на край

моей койки. — Потому что нужно смотреть у будущее. А оно у нас с тобой куда лучше прошлого!

Кажется, тогда Ренат и сам не знал, что лжи страшнее, чем в тот день, ещё никогда не произносил...

Глава 11

— Вы совсем озверели?! — шипела она в трубку, безуспешно пытаясь хоть как-то совладать с душившимся её гневом напололам с ужасом. — Вы какого чёрта натворили?! Она в больнице лежит! У неё... она ребёнка из-за вас потеряла!

— Из-за нас? — хмыкнул исполнитель в трубку.

Эта сволочь пользовалась тем, что она сейчас не могла до него достать. Деньги он и его подельники получили, и ещё можно сказать спасибо что он вообще ответил на телефонный звонок. Им-то всем пришлось смыться подальше из города и на неопределённое время – во избежание поимки. А она и Кире была совершенно не на руку. Ниточки к ней приведут, а такой исход ситуации исключался!

— Из-за вас, конечно! — заорала она. — Вы как взбесились!

— Так она лягаться и кусаться начала! Он сама озверела! И никто не собирался её лупить! Так вышло. Она в неадекват впала. Ещё покалечила бы кого-нибудь. И упала она сама, стукнулась сама. Никто её не толкал! Так что мы на себя вину за эти последствия брать не собираемся. Если чё, мы ваши указания выполняли. Да и вообще мы тут в одной лодке сейчас. Давайте не ссориться. Во избежание.

Услышав этот нахальный прозрачный намёк, Кира выру-

галась и отключилась.

Эта дура малохольная умудрилась так неудачно шлѣпнуться, что потеряла ребёнка! Бестолочь! Неуклюжая идиотка!

Ренат от неё теперь ни на шаг не отойдёт. Будет вокруг неё на цыпочках скакать, будет её выхаживать! А то как же! Такой удачный повод доказать, какой он любящий и заботливый муж!

Степанову даже перекосило от омерзения.

Строит из себя какого-то святошу! И даже сам не замечает, как из властного, статусного, во всех смыслах перспективного мужика превращается в дрянного подкаблучника.

Эта Альбина окончательно испортит мужчину, на которого она претендовала сама, со всей серьёзностью. Он ей подходил идеально. Как говорить, её цвет, её размер. И она его так просто к этой бледной поганке не отпустит. Пусть не думает, что мужика можно жалостью около себя удержать.

— Ты про супругу нашего главного слышала? — заскочившая на перерыве в их офисное кафе Селиванова округлила глаза.

— Просто капец! У нас сегодня с утра только об этом кругом и гудят!

Кира передёрнула плечами, мол, ей не по статусу с прочими офисными хомячками такие вопросы обсуждать.

— Слышала краем уха, — проговорила она. — Ужас, конечно.

Но всё, о чём Кира сейчас могла думать, это как теперь отодрать от неё безутешного Матвеева. Теперь они ещё и не рождённого будут чёрт знает сколько оплакивать. Ренат что, и в офисе в это время не собирается появляться?

— Ой, да не то слово! — Селиванова отхлебнула из своего стаканчика кофе и рассеянным взглядом посмотрела в окно. — Мы вот с девочками думаем скинуться, что ли... Ну, знаешь, что-то купить, навестить её. Я, правда, не знаю, как начальство к этому отнесётся. Начнёт ещё выпрашивать, откуда узнали. А тут непонятно, откуда новость прилетела. Я на работу пришла, а все вокруг уже обсуждают.

Киру сейчас меньше всего заботил источник, растрепавший личную информацию. Её мысль зацепилась за неожиданно подброшенный ей судьбой вариант.

А это идея. И довольно неплохая идея. Она как минимум стоила того, чтобы дать ей шанс.

Поэтому купив громадную подарочную корзину со всякими фруктами и прочей ерундой, Степанова отправилась в больницу. Само собой, Матвеевой сейчас не до экзотических фруктов, поэтому корзина почти наверняка перекоцует к обслуживавшему её палату персоналу. Тем лучше. Цветы и корзина ожидаемо настроили дежурную медсестру на самый благостный лад. Ну а подпущенные в дрожащий голос слёзы дополнили образ. Степанову пропустили без необходимости трясти перед персоналом своими связями.

Сам визит прошёл примерно так, как она и ожидала. Мат-

веева лежала пластом — белая, обессиленная, почти мёртвая. У Киры даже на миг что-то такое внутри шевельнулось — что-то вроде жалости. Но стоило напомнить себе, что именно эта женщина стояла сейчас между нею и исполнением её мечты, и жалость как рукой сняло.

Вытерпев их короткий и почти бессодержательный разговор, Степанова с нескрываемым облегчением покинула палату и наткнулась на подарок судьбы — в коридор как раз входил Матвеев собственной персоной.

Хмурый, осунувшийся, бледный и со следами явного недосыпа на заострившемся от переживаний лице. Но его это странным образом ничуть не портило — даже как будто бы наоборот. Страдание придавало ему очарование стойка. Эдакий борющийся со скорбью и старающийся не поддаваться ей одиночка.

А одиночка, потому что жена его сейчас вряд ли могла быть ему утешением. Жена — не могла. В отличие от неё.

Кира видела промелькнувшее на его лице изумление, но поскорее затолкала поглубже довольную ухмылку. Пришлось приложить немало усилий, тобы изобразить нужное — тревогу и такую же скорбь.

— Ренат...

Но он в ответ лишь сильнее нахмурился.

— Ты что тут делаешь? Тебя кто пропустил?

Глава 12

— Ренат, ну это же не какой-то сверхсекретный закрытый объект, — протянула она.

Её покорила подозрительность в его голосе. Покорила и чуточку напугала. Теперь ей всё казалось, что кто-нибудь что-нибудь уже подозревает. Окружающие вот-вот начнут пристальнее к ней присматриваться и наверняка что-нибудь да заметят. Потом пойдут расспросы, потом кто-нибудь что-нибудь сопоставит, и вся правда выйдет наружу.

А при должном подходе и умении то, во что она вляпалась, преспокойно может и к статье привести. Даже её. Придётся задействовать все возможные и невозможные ресурсы семьи, чтобы отмыться потом от таких обвинений.

В тюрьму она, конечно, вряд ли когда-нибудь попадёт, но родственники сильно в ней разочаруются. А она предпочла бы до их сведения ничего не доводить.

Надо действовать в одиночку и действовать предельно осторожно.

— Дело не в сверхсекретности, — насупился Матвеев. — Что ты вообще тут забыла? Особенно после всего произошедшего.

Кира заставила себя сделать несколько шагов ему навстречу и состроила максимально скорбную гримасу.

— Ренат, ты считаешь меня совсем лишённой всякого со-

страдания? Да, в любой другой ситуации я бы никак, может, и не отреагировала бы, но такое горе! Сделать вид, что я ничего не знаю? Так у меня и не получилось бы, даже при всём желании. Я в офис наш приехала, а там только об этом и говорят!

Матвеев прикрыл глаза, будто на него накатило изнеможение. Понятно — его тоже не могло особо порадовать то, что все вокруг сейчас только и судачили о произошедшем. Но на чужой роток не накинешь платок — откуда-то информация просочилась и распространилась со скоростью лесного пожара.

— В любом случае тебе здесь делать совершенно нечего.

— Да я же только... я фрукты ей привезла и просто хотела сказать, как сожалею. Потому что я и правда сожалею, Ренат!

И вот сейчас она даже не кривила душой. Она не хотела такого исхода. Она его не планировала и даже в самые тёмные свои моменты, когда ревность и зависть затмевали её разум, сдерживала эти порывы. Она хотела её припугнуть, чуточку расшатать ей нервы, а всё остальное случилось бы само собой.

Но вот как всё в итоге вышло. И это не её вина! Вот если бы эта безмозглая курица не припёрлась тогда к мужу в кабинет, ничего бы этого не было! Ренат сам дошёл бы до понимания, что зря женился на ней. Что она совершенно ему не подходит. Что с ней, с Кирой, ему будет куда лучше.

Но придётся идти куда более длинным и тяжёлым обход-

ным путём. Что ж... чего не сделаешь ради любви.

— Считай, мы приняли твои соболезнования, — проговорил он и кивнул подбородком на выход. — Хотя они были и необязательны. Ты наверняка только сильнее её расстроила.

Кира помотала головой.

— Да мы даже не ссорились. Правда. Я понимаю, что она меня ненавидит. Она этого и не скрывает. Но в целом я не пожалела, что приехала. И может... может, ей будет немножко легче от того, что я зла на неё не держу.

Ренат неожиданно фыркнул.

— А тебе на неё чего зло-то держать?

Вот как? Он не понимает? Он настолько бесчувственный?

— Матвеев, — не сдержалась она, — ты же не думаешь... ты же не решил, что я хочу быть с тобой исключительно потому, что меня к тебе физически тянет?

И она сделала ещё один шаг ему навстречу.

— Это не блажь и не страсть. Это... это более глубокие чувства.

— Кира, я в них никак не заинтересован.

Знал бы он, чего ей стоило проглотить эти слова и даже бровью не повести, позволяя ему пока ещё оставаться при своих заблуждениях.

— Я знаю, — шепнула она, потупив взгляд. — Я очень хорошо понимаю, что ты привязан к жене. И восхищаюсь твоей заботливостью. Но кто в такое время позаботится о тебе? Твоей Альбине сейчас не до тебя. И поверь, после всего, что

ей пришлось пережить, ей очень долгое время будет не до тебя. Но до тех пор, пока у вас всё наладится, как ты будешь справляться сам? В одиночку. Совсем без поддержки. Ты хотя бы задумывался об этом? Не боишься под такой тяжестью эмоций и обязательств перегореть и окончательно охладеть к вашему браку?

Глава 13

— Кир, ты серьёзно? — Ренат рассматривал поднятое к нему красивое лицо и пытался понять, сколько искренности во всём, что она успела ему наговорить.

Просто Степанова была не и тех, кто легко шёл на уступки, компромиссы и мировую. А тут такая неожиданная метаморфоза. Чужая душа — потёмки, конечно, но это не мешает строить собственные о ней представления.

— Совершенно серьёзно, — проговорила она, продолжая смотреть на него едва ли не просительно. — Ваша трагедия... она заставила меня посмотреть на всё по-другому.

— Если это так, то ты сама себе противоречишь, — нахмурился он. — Если бы ты посмотрела на всё по-другому, то поняла бы, через что мы проходим. А заодно и поняла бы, что дело вообще не во мне и не в том, какие сложности испытываю я.

— И я это понимаю, я понимаю, — зачастила Кира. — Просто неправильно выразилась. Ты очень сильно беспокоишься о жене, но ты не железный, как бы ни храбрился. Только не говори, что тебя случившееся не подкосило! Ты же тоже страдаешь! А я просто хочу быть рядом. Я хочу тебя поддержать.

— Спасибо, — сухо кивнул он. — Ты уже поддержала. Спасибо за визит и за фрукты, за внимание к нашим слож-

ностям. А сейчас можешь идти и не испытывать по этому поводу больше никакой тревоги. Ты мне ничего не должна. А с Альбиной вам вообще лучше больше не видеться. Я не хочу, чтобы она ещё сильнее расстраивалась.

Он видел, что Кира хотела что-то добавить. Видел, что она не согласна с его словами. Но сейчас совершенно не важно, что она там хотела. Степанова не понимала и, возможно, даже не способна была пережить ту глубину скорби, которую сейчас переживали они.

Даже если её стремления искренни, они неуместны.

— Хорошо, — выдавила она из себя, но вместо того, чтобы окончательно попрощаться и направиться к выходу, неожиданно подступила к нему практически вплотную и пробежалась пальцами по его груди. — Я, конечно, уйду. Твоё слово — закон. Но помни, Ренат, сколько ты меня ни гони, а я всегда буду рядом. Я всегда буду готова прийти к тебе на помощь. Сейчас ты храбришься, потому что в тебе есть ещё силы, но потом... я почти уверена, что твою супругу рано или поздно накроет депрессия. Извини за жёсткую правду, но для женщины такие трагедии не проходят бесследно. Так вот, когда дела пойдут хуже, ты вспомнишь о моём предложении. Ты вспомнишь, а я буду ждать.

И она наконец отступила, кивнула ему на прощанье и направилась к выходу.

Дерзости и самоуверенности этой женщине, конечно, было не занимать. Хотя вряд ли стоило сильно этому удив-

ляться, учитывая то, из какой семьи она вышла. Степановы, чтоб их...

И не успел он как следует подосадовать на такой поворот, как в коридоре появились новые посетители. Они проводили взглядом прошмыгнувшую мимо них Киру, но увидев его, тут же забыли о ней и бросилась ему навстречу. Ирина Алексеевна заливалась слезами, а тесть держался строго. Молча протянул руку Ренату и крепко пожал его ладонь.

— Ренат.

— Павел Юрьевич.

— Как вы?

— Держимся. Вы проходите. Альбина уже проснулась и позавтракала.

— Пойдём с нами, — шепнула тёща, утирая лицо. — Пойдём.

Ничего удивительного в такой просьбе не было. Людская природа такова, что мы рефлекторно стремимся сплотиться, когда наступают тяжёлые времена. А они всё-таки одна семья.

— Господи, Ренат, чтобы она без тебя делала! — громким шёпотом отозвалась Ирина Алексеевна. — Я просто... я даже не знаю...

Ренат смущённо переступил с ноги на ногу. Такого наплыва эмоций он не ожидал, но скорбь часто толкает людей на откровенность. Вот и их привычная сдержанность в общении сейчас не выдерживала наплыва эмоций.

— Ну что вы, Ирина Алексеевна, мы же... мы с Алеёй — единое целое. Я мог оступиться, мог натворить дел, но в итоге... Я без неё не смогу. Она — всё для меня.

Тесть нахмурил брови, но не из-за того, что слова зятя показались ему фальшивыми, а чтобы сдержать эмоции. Нахмурился и кивнул, молчаливо похлопал его по плечу, принимая его объяснение.

Это не могло не ободрить. Пусть сейчас над ними сгустились чёрные тучи, они переживут это, и у них обязательно всё наладиться.

— Идёмте, — Ренат схватился за ручку двери, ведущей в палату.

Но пропуская родственников на порог, оглянулся на выход их коридора, где совсем недавно исчезла Кира. Перед внутренним взором до сих пор стоял её умоляющий взгляд.

Правда, наваждение длилось всего пару мгновений. Ренат потряхнул головой и, выбросив из головы это воспоминание, вернулся в палату жены, прикрыв за собой дверь.

Глава 14

— Алечка, господи...

На маму было страшно смотреть. Она будто сразу на несколько лет постарела. Отец тоже выглядел неважно. Осунувшийся, бледный и ещё более молчаливый, чем обычно.

И я понимала, что не пустить их в мою палату было бы верхом жестокости. Но вся беда в том, что их скорбный вид делал мою потерю во сто раз хуже.

Я будто чувствовала теперь ещё и их боль. И это было страшно, тяжело, невыносимо.

— Мам... не плачь, — попросила я слабо.

Но попросила только лишь потому, что мне нужно было ей что-то сказать. Глупая и бесполезная просьба.

— Как ты себя чувствуешь? Тебе очень больно? Может, попросить сделать укол?

— Нет, — я осторожно качнула головой. — Ничего не нужно. Терпимо. Правда. Не беспокойтесь.

— Аля, — отец подошёл ближе, и я заметила его сжатую в судорожный кулак правую руку. — Аля, ты должна хоть что-нибудь вспомнить. Хоть что-нибудь. Мы должны их найти, и я тогда их сам, голыми руками...

Его голос надломился, и он тут же замолчал, испугавшись того, что тоже даст волю разрывавшим его изнутри чувствам.

— Пап, я бы хотела... Но я ничего не видела... Только...

голоса. Слышала голоса. Но... они обычные были. Самые обычные. Я бы... не угадала их по голосам.

Я понимала, что отцу тяжело это слышать. Но к чему врать? С реальностью нужно встретиться лицом к лицу как можно скорей, чтобы не путаться в иллюзиях и не питать пустых надежд.

— Алечка... ты не напрягайся. Ты вообще не думай об этом! — слёзно попросила мать, утирая лицо вынутым из кармашка жилета платочком. — Главное, чтобы ты поскорее поправилась! Чтобы всё было в порядке.

— Нет, этого недостаточно, — покачал головой отец. — Этих тварей нужно отловить и на столбах развесить!

Я прикрыла глаза и сглотнула. Попросила воды

Мама тут же кинулась к столику. А я использовала эту минуту, чтобы дотянуться до дрожавшей от напряжения руки отца и пожать его с той силой, на которую сейчас была способна.

— Спасибо, — шепнула едва слышно. — Пап, ты только... ты не копи всё это в себе. Сердце.

— Да чёрт с ним, — зло отмахнулся отец и ответил на моё пожатие, накрыв мою слабую руку своей мозолистой ладонью.

И так мы застыли, пока не вернулась мама с водой.

— Господи, а как Ренат-то переживает, — шепнула она, жадно наблюдая за тем, как я осторожно пью. — На нём вот просто лица нет, Аль. Вот лица нет! Весь осунулся, будто

иссох. Вот как переживает!

Я на это только кивнула. Если честно, сейчас у меня не был сил всерьёз анализировать нашу с ним ситуацию. Случилось трагедия, и мне предстояло её пережить — вот на чём сфокусировались все мои мысли. А стальное шло фоном, хотела я того или нет. Даже мои отношения с мужем, какими бы сложными и нестабильными они сейчас ни были.

— Он от тебя и не отходит.

— Возможно, это чувство вины, — проговорила я.

— Ой, не говори так, — всхлипнула мама. — Я же видела, какой у него взгляд. Вот больной, понимаешь?

— Он пока не отошёл.

— А было бы ему всё равно, он бы, думаешь, вообще волновался? Вот не было бы у него ни стыда, ни совести, как ты считала... Алечка, ведь это же и его беда, понимаешь? Ну, сдуру спутался с этой... А теперь вот...

И она беспомощно замолчала, но мне показалось, я понимала, куда мама вела. Это она хотела, не называя вещи своими именами, сказать мне, что не бывает худа без добра. Такого худа, конечно, и самому своему злостному врагу не пожелаешь, но суть высказывания ясна. Да, я понимаю, иногда горе сплачивает так, как не могло бы сплотить никакое совместное счастье. Так уж устроен человек.

Но сейчас я не могла бы ручаться, насколько нас сплотило наше с Ренатом горе. Я просто лежала пластом и пыталась смириться с потерей. Пыталась, но не понимала, как.

Тело не спросит — заживёт и выздоровеет. А душа? А что делать с разорванным в клочья сердцем, которое так и не стало по чужой вине материнским?..

Из глаз моих опять заструились горячие слёзы, стекли к вискам, заползли в уши. Мерзкое ощущение, но плевать.

— Аля, — позвала мать. — Аля, ты главное, должна помнить, что у вас с Ренатом ещё всё впереди. Слышишь?

— Что именно? — шепнула я, сглотнув.

— Дети! — с неожиданной настойчивостью ответила мать. — Вот увидишь, совсем немного времени пройдёт, и ты родишь ему малыша. И всё у вас будет в порядке!

Господи, она так в этом уверена.

А я?..

Глава 15

— У-у-у меня просто нет слов...

Дрожащий шёпот подруги проехался по моим нервам.

— Сжался, Олесь, — проговорила я хрипло. — Ты — единственная, кто мог бы меня сейчас хоть чуточку приободрить. Ты хоть можешь представить, с какими лицами ко мне в палату заходят? Как к умирающей. Это... невыносимо. Тут и так жить не хочется...

И я замолчала, немножко даже испугавшись собственных слов. Нельзя так говорить. И дело не в пустых суевериях. Дело не в мистических страхах.

Тело тоже всё слышит и всё воспринимает. Наша психика — слишком сложная и не до конца изученная вещь. Порой внушить себе что-нибудь можно, особенно и не стараясь.

А я ведь не собиралась сдаваться совсем, окончательно. Верно?..

— Прости, — Олесья шмыгнула носом и спешно отёрла глаза. — Прости, это просто... оно само как-то вырвалось.

— Я понимаю. И понимаю, что требовать от своих посетителей ничего не могу. Просто прошу — будьте сильнее меня. Мне сейчас очень нужна ваша поддержка.

Подруга мелко закивала и, выхватив из пачки салфеток одну, наскоро отёрла лицо, выпрямилась и улыбнулась.

— Я тут. Я с тобой. Ни о чём не волнуйся.

Я сглотнула и кивнула ей с благодарностью, которую сложно было сейчас даже выразить.

— И кстати о поддержке, — она скосила взгляд на закрытую дверь палаты. — Как Ренат себя ведёт?

Я осторожно вздохнула. Неглубоко, чтобы не сильно напрыгать сраставшиеся рёбра.

— Как образцовый муж. Даже по временам, как мне кажется, слишком старается.

— Ну, это в нём чувство вины говорит, — с интонациями эксперта заверила Олеся. — Ещё бы он не трусился над тобой после... после такого.

Он округлила глаза, предпочитая не озвучивать очевидное.

— Ну да, — отозвалась я без энтузиазма. — Просто иногда это даже... слегка утомляет. Я не могу ему этого сказать. Не хочу обидеть. Он по-своему всё это видит. И тоже переживает.

Я не стала подруге этого говорить, но, кажется, я прежде никогда и не видела слёз у него на глазах. Только в тот день, когда пришла в себя, и он сообщил мне страшную новость. Какие бы противоречивые чувства меня ни одолевали, обесценивать его страданий я не могла. Мы все скорбели по-своему.

— Ты уж потерпи, — Олеся аккуратно похлопала меня по руке. — Реакция-то вполне понятная. Будет теперь заботой тебя удушать. Ну а вообще... это ведь не худший вариант

развития событий, верно?

Она сделала это предположение со всей возможной предосторожностью. Как будто боялась, что могла не угадать моих истинных настроений.

— Как будто бы, — ответила я. — Сейчас сложно сказать. У меня внутри столько всего... сама понимаешь.

— Ещё бы... Но он всё же — поддержка, опора.

— Я не спорю. Он даже пообещал виновных найти. Так или иначе. Даже если полиция ничего в итоге на них не находит.

— Ну вот. Это же отлично, что он руки не опускает и не собирается по течению плыть. Другой, может, и плюнул бы, зауклился в своём горе. А Ренат — человек действия.

Да уж. Как говорится, и благословение, и проклятье. Может, не будь он человеком действия, и мне не пришлось бы его с Киры Степановой стаскивать...

Эти навязчивые мысли даже сейчас не оставляли меня. Может, потому что эта женщина не постеснялась в итоге сюда припереться. В искренность её соболезнований я не верила. Степанова не из той породы людей, которые могли искренне сопереживать тем, кого ещё вчера ненавидели всей своей чёрной душой.

— Надеюсь, его действия к чему-нибудь всё-таки приведут, — отозвалась я. — К сожалению, я ему в его розысках не помощник.

— Не помнишь ничего? — с огорчением спросил подруга.

— Да дело даже не в этом. Нечего вспоминать. Я их не видела — слишком темно тогда уже было. Слышала голоса. Никаких отличительных признаков. Вообще ничего.

— Алечка, ты только себя не кори! Слышишь, не вздумай! Уверена, их и без твоей помощи вычислят. И хотела бы я посмотреть, что твой муж с ними сделает! Ты, главное, поправляйся и настраивайся на лучшее. Ты же... ты же уже не собираешься от Матвеева уходить?

Глава 16

— Как ты? — Ренат присел на корточки перед шезлонгом, выставленным на террасе на заднем дворе нашего дома.

Я делала вид, что наслаждаюсь послеполуденным солнцем. Хорошо, что глаза прятались за стёклами солнцезащитных очков.

— Хорошо. Спасибо. А ты как? Рано сегодня.

— А я со всеми основными делами разобрался и решил, что нужно домой, — улыбнулся муж и положил мне на колени вынутый из-за спины крохотный, но очень красивый букетик.

— Прелесть какая, — улыбнулась я и поблагодарила кивком. — Ну, хорошо. Только... только я сегодня ничего не готовила. Я хотела попозже...

— Глупости, — отмахнулся Ренат. — Я на обеде в ресторан заскочил, а вечером... может, вечером прокатимся куда-нибудь?

Я с содроганием представила, что мне придётся вставать с шезлонга, принимать душ, красится, наряжаться — и всё это для того, чтобы отправится на несколько часов в город на прогулку, которая почти наверняка не принесёт мне удовольствия.

Воспоминания о прошлой трагедии пока ещё были слишком свежи. Что-то внутри не позволяло наконец отпустить и

предпринять хотя бы робкую попытку порадоваться жизни. Я не созрела для этого.

— Не знаю, Ренат. Если честно, я сегодня никуда выходить не хочу. Не планировала.

Его лицо слегка посмурнело, но он не позволил себе выказать недовольство.

— Ну, хорошо. Значит, поужинаем дома. Давай из ресторана закажем. Ты домработницу уже отпустила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.